

Тетеревкова (Яхонтова) Надежда Николаевна, 1925 г.р.



Тетеревкова Надежда Николаевна родом из д.Шульгино, урожденная Яхонтова, родилась 25 сентября 1925 г. в родильном отделении Ромашковской больницы, - как и многие жители окрестных сел и деревень.

«.....Когда началась война я была девчонкой. Мама, Валентина Федоровна Яхонтова, работала на ферме в Подушкинском колхозе. Отец Яхонтов Николай Алексеевич сразу ушел добровольно в ополчение и вскоре погиб в 1941г., - пропал без вести. Помню как мы его провожали по дороге всей семьей, плакали, я была старшей из шестерых детей - на руках несла младшего братика. наших родственников на фронте погибло много.



Из статьи «Деревня как деревня» о жителях д.Шульгино, газета «Новые Рубежи» от 26 ноября 1987 г.

«...Золотом выбиты на мраморной плите фамилии героев. Многие жители Шульгина не вернулись с войны, сложили свои головы за наш сегодняшний день. Валентина Федоровна Яхонтова – вдова погибшего воина. Шесть раз фамилия Яхонтовых повторяется на мраморе обелиска.»

Валентина Федоровна Яхонтова, ей восемьдесят три скоро исполнится, рассказывала нам, как отвела свою корову на колхозный двор «коллективизировать», «и сбрую всю», и лошадь, и овец. Муж не вернулся с фронта («Вся родня на памятнике»), растила шестерых детей. «Я всех счастливее стала», — говорит. А не сидится, руки дело находят. Вместе с ней мы пошли посмотреть на Гаврюшу, самого маленького из трех поросят, которых выращивает каждый год для пользы в хозяйстве. Потолок у них в доме красивый, деревянный, как стол некрашенный. От чистоты блестит, как налаченный. Чем,

« Валентина Федоровна Яхонтова, ей 83 скоро исполняется, рассказывала нам, как отвела свою корову на колхозный двор «коллективизировать», «и сбрую всю», и лошадь, и овец. Муж не вернулся с фронта «Вся родня на памятнике», растила шестерых детей. « Я всех счастливее стала»,- говорит. А не сидится, руки дело находят. Вместе с ней мы пошли посмотреть на Гаврюшу, самого маленького из трех поросят, которых выращивают каждый год для пользы в хозяйстве. Потолок у них в доме красивый. Деревянный, как стол некрашенный. От чистоты блестит, как налаченный. Чем, спрашиваю, моете? Думала, Валентина Федоровна скажет порошком. А она не поняла: «Руками». Золотые, значит, у неё руки...»

Статья - И.Игумновой, фоторепортаж-Р.Приймак.

- Во время войны, - продолжила рассказ Надежда Николаевна, - мама не задумываясь взяла к нам жить мальчика сироту Толю. Прожил он у нас мало, но стал всем нам братом. Его семья жила рядом через пруд в соседнем Подушкино. Отец у него умер рано, а незадолго до войны умерла и мать, одного из троих братьев взяли родственники, а он с братом попал в детский дом в Измалково. Там ещё с XVIII века была старинная подмосковная усадьба Самариных. В 1923 году последние хозяева были выселены из усадьбы вместе с детьми, репрессированы. В усадьбе разместили детскую санаторную туберкулезную колонию (впоследствии детский санаторий № 39). Война началась, и старший брат с первых дней ушел на фронт, оставшихся детей из колонии распустили.... Толя добрался до дома, а там пусто, - несколько дней сидел там один, пока не решился постучаться к нам в окно, - попросил поесть. Ужасно был грязный, вся одежда во вшах. Мама его накормила, намыла, передела, старые вещи сожгла в печи и никуда не отпустила.



Крайний слева - Буров Анатолий Александрович, младший сержант, с медалью на груди. Отмечают рождество в Германии 7 Января 1947 года.

*Надо было написать
вам всем от
А Крутикова.
7/1/47 года.
Германия.*

Но он у нас

пожил всего месяца два, все рвался на фронт «бить фашистов». В армию его не брали, он маленький еще был, кажется с 1930 года рождения, - так он ушел ухаживать за ранеными в Барвиху, там был эвакогоспиталь. Потом вместе с госпиталем все-же сбежал на фронт и попал в какую то военную часть и дошел с ней до Берлина, почти как сын полка. И даже еще после войны на несколько лет остался служить в Германии,- там ему исполнилось восемнадцать. Писал письма, присылал нам посылки с подарками. Когда вернулся, - женился, работал на Хруничева, но прожил не долго, умер от рака...

...А мне лишь исполнилось 16 лет в сентябре 1941г, как меня, Мишу Павловского, Клаву Леонову и Катю Яхонтову - мою двоюродную сестру, отправили на трудовой фронт от Подушкинского сельсовета. (см. воспоминания о них: Павловская (Леонова) Клавдия Степановна (1923-2010) в разделе «ветераны-фронтовики»). Собрали всех в машину и повезли рыть окопы, только теперь не помню, то ли на Можайскую, то ли на Волоколамскую линию обороны. Долго ехали по шоссе, а потом на развилке свернули направо и тоже долго ехали. Не помню, как называлась деревня, первые две буквы «Пу...», но не Пущино, а может быть «Бу...» - может Бужарово. ... (прим. Бужарово под Истрой. В деревне нас распределили по частным домам местных жителей, все были очень добрыми и заботливыми. Колхоз выделял нам продукты, и наша хозяйка на всех нас готовила - хорошо, вкусно, за столом собиралось много людей. Она нас там берегла, заботилась. Началась зима, был ужасный мороз, но мы продолжали рыть в поле противотанковые рвы, окопы, ходы сообщений, траншеи, ставили противотанковые ежи.

Немцы были очень близко от нашей деревни, приближался фронт, мы слышали бои. И вот однажды немцы прорвались в деревню, где мы были. Местные жители начали нас прятать, раскидывали всех по погребам и сами прятались. Наш погреб был на отшибе, на дальнем огороде, очень глубокий, мы туда битком набились, человек двадцать. Мы кубарем по лестнице вниз погреба, а оттуда навстречу нам огромные крысы... Очень плотно сидели, больше суток, холодно, страшно. Бой слышали, но не видели, я сидела ближе всех к выходу, все хотела посмотреть, что твориться, но

мне не давали высовываться. К утру все стихло, мы вылезли. Пошли к домам, а там ужас сколько убитых... Все кричат... Пошли к дому председателя, а он тоже убит. А кругом трупы людей, огромное количество трупов... У дома председателя вдоль дороги «вёшки» с распятыми людьми... Кто это был штатские, военные, наши или немцы, разглядывать нет сил.



Фото - Дмитрий Бальтерманц (сотрудничал в «Известиях», «На разгром врага» и «Огоньке») - его известнейший снимок «Горе» 1942г. (был им доработан (впечатаны облака) в шестидесятых годах, но был опубликован у нас в СССР, только в 1975 году).

(Прим. Волоколамско-Истринское

направление было одним из главных в битве под Москвой. 24 ноября немецкие танки прорвались и заняли Бужарово. Затем двинулись к деревне Ильино, там был штаб 18-й дивизии.. В морозные декабрьские дни 1941 года части 16-й армии под командованием генерала К.К.Рокоссовского, действовавшие на Волоколамско-Истринском направлении, перешли в решительное контрнаступление и погнали врага на запад. 18-я стрелковая дивизия наступала в направлении реки Истры южнее водохранилища – Бужарово – Никулино, 9-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала А.П.Белобородова – в направлении города Истры.)

... И вдруг посреди этого ужаса на улице объявили, что немцы рядом и нас всех отпускают. И все внезапно побежали в сторону Москвы: очень много людей, все бегут, и я бегу, - своих друзей я потеряла. Добежали до шоссе, и по нему тоже все бегут; по дороге нас нагоняли грузовики с людьми, кого-то подбирали. Рядом со мной тоже остановилась бортовая машина, только помню, как чьи-то сильные руки схватили за шкурку и подняли в кузов. Довезли меня до Баковки, и пошла я домой в Шульгино пешком по лесу. Вещи все потеряны, замерзла, а ноги промокли и раздулись. Почему то мне кажется, что была оттепель и это было в марте 1942года, а не в декабре 1941??... Когда пришла домой, то сапоги снять было невозможно, мама ножиком их разрешила. Мои друзья оказались все живы, но вернулись домой на сутки раньше меня и из-за этого домашние страшно обо мне переживали...

До сих пор перед глазами убитые люди на снегу и вёшки с распятыми...

После этого я так боялась, что меня заберут на фронт, и я опять буду смотреть на убитых и распятых, - что хоть мне было всего 16-ть, но я пошла на военный завод Хруничева (тогда № 23). Это было в мае 1942года, - меня оформили ученицей.

СВЕДЕНИЯ

О РАБОТЕ

№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2				3	4
				До 3-го 23	не работала	
				3-го и 23		
942	И	5		ученица		р. Картошка
942	И	15		Браздатчица		— // —
942	И	10		уч. слесарь		— // —
943	И	1		слесарь		— // —
944	И	20		Стержнев.		— // —
944	И	20		Кокельщик		— // —
946	И	3		подготовитель	10	— // —
947	И	5		Стержнев.	ица	— // —
948	И	16		Подготовитель		приказ 13

2

3

Но я там и нескольких дней не проработала, как нас отправили на лесоповал в Сибирь, в Тешпы. Пилили лес, грузили бревна в вагоны. Жили в бараках, спали на голых нарах. Что есть из вещей, - тем и прикроешься, то и под голову положишь. К нашему пункту надо было добираться по переправе, весной она нарушилась и доставки еды не было. Там мы голодали, все вещи, что были с собой выменяли на продукты. Иногда давали комбикорм, который мы без соли и сахара готовили прямо на плите. Намоем плиту и на неё все высыплем, обжарим и ели.

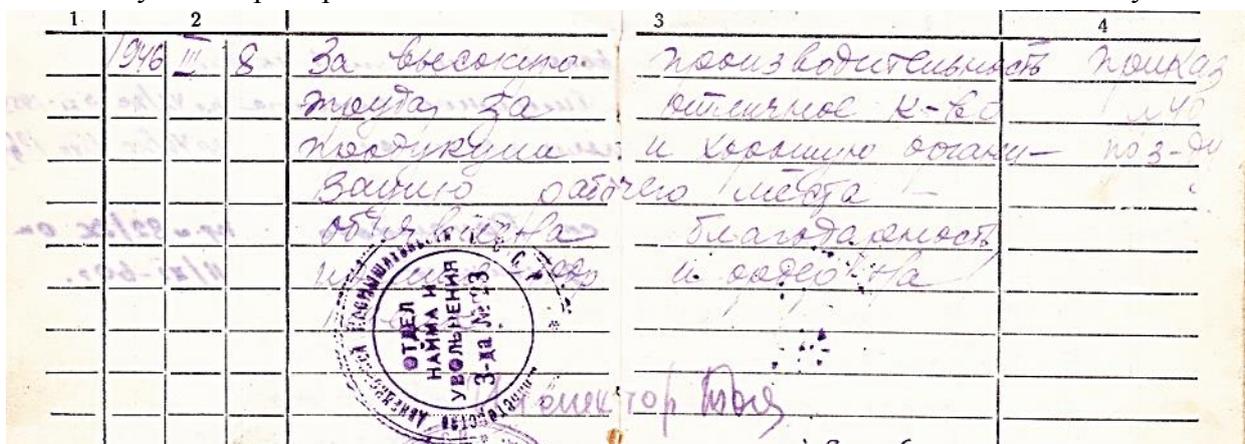
Вернули нас обратно только весной 1943 года, и я стала ученицей слесаря в 1-ом цеху, делали каркасы для самолетов. Забивали трубы песком, нагревали и гнули. Надо притереть трубы так, чтобы не отставало и плотно прилегало. Через год в октябре 1944 года меня перевели на работу в горячий цех № 30. Работала стержневицей - кокельщиком (заливщик металла). Плавильщики клали в котел «чушки» - заготовки, длиной со стол (около 1,5м): алюминий и сплав "электрон", который очень быстро прогорал, а я, чтобы не вспыхнуло, должна была, как начнется плавка, засыпать в котел серу; чтобы не было перегрева сплав должен быть градусов 700-800. Когда сплав был готов, мы его черпали и заливали в кокиля - формы различной конфигурации. Я занималась сборкой и подготовкой под заливку простых и средней сложности кокилей малого и среднего габарита с установкой и креплением до пяти - восьми стержней. Еще в мои задачи входило: чистка, окраска и нанесение предохранительной обмазки на металлические формы, выемка отливок из кокилей, уборка шлака и отходов металла. Сплав в кокилях застывал быстро, за смену мы должны были сделать огромную корзину деталей, которые потом проверяли на качество.



Фотография 1944 года в заводскую газету.

Обычно завод работал в три смены (8-15ч., 15-24ч., 24-8 ч.), но во время войны мы работали сутками, не выходя из цеха, иногда спрячешься за печку и прикорнешь хоть чуток, а мастер – добрый, за меня посмотрит. Вот на фотографии видно, что у меня свежий халат, потому как заметно, что он «гнется». Обычно к концу смены халаты дубели, и их можно было ставить, так они пропитывались всеми испарениями. Меня часто выносили на улицу на носилках без сознания. Долго я в этом горячем цеху не проработала, **только года четыре**, врачи потом запретили, да и война тогда уже кончилась.

В 1946 году меня премировали комнатой на Филиях недалеко от завода. В 1947 году вышла замуж



Запись в трудовой книжке от 8 марта 1946г. «За высокую производительность труда, за отличное качество продукции и хорошую организацию рабочего места – объявлена благодарность, премия – 100руб., и ордер на комнату.»

в Ромашково за местного Тетеревкова Николая Ивановича (1922-2007). Познакомилась с ним на заводе после войны, во время войны он был в эвакуации в Казани вместе с основной частью завода, его фотография всегда висела на доске передовиков, он ездил в Китай ремонтировать самолеты, был слесарем сборщиком крыльев самолета. Туполев сам перевел его из сборочного цеха в конструкторское бюро завода сборщиком.

Когда поженились, нам завод выделил квартиру, но Николай ни за что не захотел уезжать из Ромашково и мы и от квартиры и от моей комнаты отказались. Родители Коли выделили нам в доме горницу (так в Ромашково все местные называли холодные комнаты-пристройки метров по шесть – десять). Мы утеплили её и стали в ней жить. В 1961г. рядом с филевскими банями был дом под снос и нам от завода выделили часть из уцелевших остатков, из этих обломков мы соорудили уже свой маленький домик, вот сейчас стоит, и мы в нем...



Александра Ивановна Лайкова (Иванова). 1961г. у платформы Ромашково.

В 1959г. родился старший сын Саша. Режим строгий на заводе, я в декрете всего месяц была, больше не давали. Прихожу на завод после декрета с ребенком, а меня не берут, говорят мест нет, даже в горячем цехе. Как так, что делать, как без работы? Стою на платформе на Филиях с ребенком, горько плачу, а тут Шура идет, - Лайкова (в зам.Иванова) Александра Ивановна из Ромашково. Выслушала, говорит решительно: «не реви, пошли», - взяла за руку и отвела в отдел кадров, и меня оформили на станцию Фили в билетную кассу её ученицей. Мы были подруги. Познакомились с ней в Ромашково, у нас свадьба была с ней в один день 29 февраля 1947 года, у неё на Раздоровской, а у меня на Центральной, в тот день еще и третья свадьба была в Верхнем Ромашково. Было принято свадебным гулять по селу, вот наши две свадьбы и встретились и мы гуляли вместе.

Так мы с ней познакомились и подружились на всю жизнь. Для меня добрее на селе человека не было - сколько она мне помогала и словом и делом, - была защитницей во всем до преклонных лет. Тяжелая была у неё судьба, с первым мужем рассталась, воспитывала одна девочку, за второго вышла поздно, но, несмотря на это, родила. Проработала я с ней в смене два года.

Она учила меня обращаться с пассажирами, выдавать билеты, делать сметные отчеты, добрая, никогда не ругала. Долго учила привыкать - «не плакать на каждого, кто обидит»....

Потом Шура ушла работать в кассу на станцию Ромашково и меня взяла с собой. Там уже работала Маша Гук (урожд.Раевская Мария Васильевна), вот втроем - это была наша дружная смена. Когда Шура уехала в 1961 на Крайний Север в Якутию ко второму мужу-геологу Михаилу, - на её место пришла Лайкова Катя (урожд.Иванова Екатерина Алексеевна), а она была родной сестрой Шуриного мужа Михаила; а Катин муж Федор Лайков, был родным братом Шуры, - вот такое родство получилось: брат и сестра Лайковых, поженились на брате и сестре Ивановых. А когда Шура вернулась с семьей лет через семь, я как раз устраивалась на работу в филиал Арбатского гастронома в Кунцево, платили на железной дороге кассирам мало, всего 36 рублей, мне все говорили: ты что там работаешь, беги, - а Шура пришла на мое место, даже была рада этому. Запомнилось из её жизни на Севере, что там были такие холода и вьюги, что ходили по веревке.... По старости виделись мало, я в храм ходила редко, наш Никольский в Ромашково был закрыт. А тут его в начале 90-х открыли, - я захожу первый раз в открытый храм, а там Шура! Мне так запомнилось как она обрадовалась, особенно врезались в память её слова: «Ой, ты здесь! У меня в церкви!». Я теперь жалею, что редко в храм ходила, а вот теперь побежала бы, да не могу ходить, ноги болят, все сижу.

Работала я долго, до 2001 года, в 76 лет на последней работе была машинистом насосных установок в Одинцовском Водоканале. У меня двое сыновей Саша и Гена, очень хорошие, я очень их люблю, и внуки замечательные и снохи.. У Александра от жены Людмилы двое детей: сын Алексей (у него моя правнучка Елизавета и Татьяна (правнук Григорий). А у Геннадия от жены Татьяны сын Сергей и мой правнук Максим ...

А награды, - да не знаю, вроде никаких и нет, вот несколько грамот.».

И вдруг, рассматривая старые фотографии и грамоты, нашлась медаль, о которой Надежда Николаевна давно забыла:



Саша Теретевков на сенокосе в 5 мес. 12.06.1949г.



Записано со слов Надежды Николаевны в 2014 году.



В преддверии 70-летнего юбилея – 4 мая 2015г. о.Валентин (Настоятель Никольского Храма с.Ромашково) и Надежда Николаевна Тетеревкова (урожд.Яхонтова).